

#ОДИНОЧЕСТВАНЕТ

Сборник рассказов от
«Клуба Космических пахарей»

12+

Арина Остромина

#одионочестванет

«Автор»

2020

Остромина А.

#одинокостванет / А. Остромина — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99794-3

Третий сборник Клуба Космических пахарей – выпускников CWS Майи Кучерской – посвящен теме одиночества, которая стала особенно актуальна для тех, кто пережил в этом году самоизоляцию и пандемию. Именно поэтому тема одиночества требует осмысления! Авторы — люди разных профессий, разного возраста и опыта, живущие в разных странах - рассказали свою версию этой проблемы. Здесь есть и психологические драмы, и детектив, и романтические истории любви – на любой вкус. И мы надеемся, что вам они понравятся, и во время чтения вы будете испытывать целую гамму разнообразных чувств – только не одиночество!

ISBN 978-5-532-99794-3

© Остромина А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Вступительное слово Елены Холмогоровой	5
Вадим Юртин. Миллионер на час	6
Татьяна Княжицкая. Ave Maria	19
Арина Остромина. Любовь и тайная жизнь Феди Журавлёва	22
Юлия Комарова. Петрикор	28
Таня Манов. Одиначества нет	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Арина Остромина, Юлия Комарова,
Александр Дымов, Елена Ахматова,
Екатерина Бахарева, Елена Клочковская,
Татьяна Княжицкая, Мария Келинголь,
Таня Манов, Дарья Новакова,
Наталия Панкова, Владимир Потеря,
Максим Урманцев, Лита Фокс, Елена
Шальнова, Вадим Юрятин, Наталья
Славина, Екатерина Саможнева
#одиначестванет**

Вступительное слово Елены Холмогоровой

Двадцать один рассказ этого сборника – попытка ответить на вечные и в то же время такие сегодняшние вопросы: всегда ли одиночество губительно или может оказаться благотворным? Надо ли с ним бороться и можно ли победить? Наконец, что делать, если одиночество захлестывает с головой и ставит под вопрос саму возможность жить дальше? В этих очень разных рассказах и одиночество разное – предательство, сиротство, трагические случайности и гримасы судьбы? Название сборника звучит оптимистично, и это в наши непростые дни чрезвычайно важно, потому что надо неустанно напоминать, что жизнь дана человеку, прежде всего, для радости и любви. Но бесспорно одно: авторы этого сборника уж точно не одиноки. Хотя бы потому, что у них есть счастливый дар – творить на бумаге миры и образы и этим скрашивать одиночество других.

Вадим Юртин. Миллионер на час

В старинном, относительно старинном губернском городе почти никогда ничего не происходило со дня его основания. Жители города предпочитали ждаться и пить, а те, кто побойчее, перебирались в столицы. Взамен из столиц в губернский город заезжали поэты, музыканты и прочие мечтатели, ценившие алкоголь, депрессию и облачность.

Ия Савельевна Цзюева разительно отличалась от большинства обитателей губернского города, поскольку много работала и мало мечтала. Ие Савельевне некогда было мечтать. Вместо мечты она ставила перед собой большие амбициозные цели. Зарабатывала Ия Савельевна тем, что тренировала людей. В её «Инстаграме» два-три раза в неделю появлялись новые объявления о тренингах по продажам, саморазвитию, личностному росту, управлению кармой, раскрытию женской сексуальности и прочему, прочему. Казалось, не было такого вида деятельности, в котором она не разбиралась или, по крайней мере, не могла помочь разобраться другим. В действительности же Ия Савельевна более-менее хорошо понимала разве что в дорогой косметике и новых мобильных телефонах. Основной доход ей приносили бизнес-тренинги, манеру проведения которых, да и содержание тоже, Цзюева копировала с западных аналогов.

«Что главное в вашем бизнесе? Нет, нет и нет. Всё не то. Главное – большая амбициозная цель – БАЦ. Есть БАЦ – есть бизнес. Нет БАЦа – нет бизнеса».

Личная жизнь Ии Савельевны протекала неожиданно и как будто сама собой. Неожиданно рано Цзюева вышла замуж, также неожиданно быстро развелась, как будто сам собой родился, окончил школу и поступил в институт сын. После сорока как-то сами собой стали появляться любовники.

Несмотря на трудолюбие, на то, что работе Ия Савельевна отдавалась буквально вся без остатка, ей едва удавалось сводить концы с концами. Возможно, определённую роль в этом играла тяга ко всему дорогому и блестящему. Зарабатывала Цзюева неплохо, но ещё более неплохо тратила. Самый новый смартфон, самый модный парфюм, самые красивые туфли – у неё всё было самое-самое.

С годами, впрочем, начала проступать одышка, как в теле, так и в деле. Тяжелее становилось работать, сложнее потреблять. Новое дыхание, как самой Ие Савельевне, так и её бизнесу, придал очередной неожиданный любовник. Самуил Демьянович, как он представился Цзюевой во время перекура между первой и второй стратегическими сессиями, являл собой человека уже немолодого, а потому и любовником оказался слегка невнятным. Однако в Демьяныче – как она его про себя называла, не вполне понимая, отчество она коверкает или фамилию, а переспрашивать как-то не решалась – Цзюева ценила вовсе не те мужские качества.

Цзюевой нравилось, что, во-первых, Демьяныч много кого знал. Некоторых депутатов Госдумы, губернаторов и мэров он поминал по именам, без отчеств. Его знакомства могли в будущем помочь Цзюевой выйти на новые рынки сбыта.

Во-вторых, он был прекрасным слушателем, не перебивал цзюевские излияния, внимал и, кажется, действительно воспринимал их не как бред стареющей женщины, а как бизнес-идеи. Демьяныч красиво говорил, но ещё более красиво молчал – молчать надо тоже уметь, знаете ли.

В-третьих, он был богат, так что мог профинансировать её фантазии.

Да и вообще, не это главное. Первей всего Ия Савельевна ценила в нём то, что Демьяныч, в отличие от других мужчин, не просто пересекался с ней по расписанию, но участвовал в её жизни, развлекал своей меланхолией цзюевскую холеричность.

Он не стеснялся приходить к ней домой, хотя иногда любовники уединялись в гостиницах. Квартира Ии Савельевны представляла собой зрелище не для слабонервных. В относительном порядке содержалась лишь постель. Всё остальное нависало, рушилось, отваливалось.

– Чувствуется отсутствие мужской руки, – задумчиво произнёс Самуил Демьянович в свой первый к ней визит, разглядывая вытекающие из бетонных глазниц электрические розетки.

Про отсутствие женской руки он также подумал, но не сказал. Вместо этого посоветовал одну проверенную клининговую компанию.

Обычно Ия Савельевна и Самуил Демьянович проводили активную часть своего свидания в бывшей комнате сына. Здесь было относительно прибрано, собственно потому, что весь интерьер комнаты состоял из кровати, стола, стула и книжного шкафа. Когда-то был ещё ПК, но сын забрал его с собой в съёмную квартиру.

Несмотря на то, что сын Цзюевой размерами пошёл в мать, его постель для двух взрослых людей казалась всё же маловатой. Впрочем, неудобство позы не помешало Ие Савельевне как-то раз, месяца через два после начала отношений, поделиться с Самуилом Демьяновичем идеей, как она выразилась, «нового стартапа».

2

Зосим Петрович проживал середину третьей жизни. Первую жизнь он когда-то давно отдал семье, школе и училищу. Вторую, недавно – другой семье и полиции. Третью сейчас отдавал ЧОПу, телевизору и пельменям. Первую жизнь её обладатель оценивал как относительно удачную, вторую – хуже, третью старался не оценивать вовсе. Хотя всё обстояло не так чтобы уж совсем плохо. Определённых карьерных успехов в третьей жизни Зосим Петрович добился. Мешки с наличностью не таскал, у монитора на сквозняке не сидел. В последнее время он выполнял функцию личного телохранителя у одного малоприметного, но богатого человека. Работа была не слишком сложной, правда, приходилось совмещать охранную деятельность с функцией шофёра (работодатель экономил на мелочах, заставляя работать за двоих), а водил Зосим не очень уверенно: права он получил всего-то два года назад, уже после увольнения из органов.

«Олигарх», как его про себя называл Зосим Петрович (ещё он именовал его «хозяином» и «боссом»), вставал рано, так что к семи тридцати нужно было ожидать его на стоянке перед домом. Завтракать предпочитал в семь сорок пять в одном из тех немногих кафетериев, что ценят деньги жаворонков. Примерно полчаса пил кофе и листал почту на телефоне. Потом хозяин ехал по делам. Посещал различные учреждения. В одиннадцать направлялся в фитнес-центр, где по понедельникам, средам и пятницам плавал, а по вторникам и четвергам жал железо. В час дня олигарх направлялся пообедать в один из двух любимых им ресторанов. Дальше смотря по обстоятельствам. Чаще всего босс продолжал свои перемещения по офисам. В других случаях предпочитал после обеда долго и сосредоточенно гулять по центру города, сопровождаемый неприметно держащимся поодаль Зосимом Петровичем. Ещё Самуил Демьянович (это был, конечно, он) периодически, раз или два в неделю, навещал свою любовницу. Бывало и так, что олигарх просил отвезти его сразу после ресторана домой. При любом раскладе хозяин старался закончить все дела к половине шестого вечера, чтобы встретить у школы младшего сына (старший, судя по обрывкам фраз, которые слышал Зосим Петрович, учился в каком-то зашибенно крутом университете где-то трындецки далеко). Около восемнадцати часов шофёр-охранник доставлял отца и сына домой, прощался с ними, ставил машину в гараж и брёл домой пешком, благо жил в двадцати минутах ходьбы. Вечера Зосим Петрович предпочитал проводить дома.

Выходит десять с половиной часов в день, но это ж лучше, чем два через два в «Пятёрочке»! Если хозяин просил выйти поработать в выходные и праздники, то по двойной ставке. Нормальная в принципе работа. За исключением одного: образ жизни, который вёл олигарх, Зосим Петрович не одобрял. Ну что это за ерунда! Может позволить себе всё, что угодно, а скучно шатается по паркам. Воткнёт свои наушнички и бродит. Нет бы собрал компанию, девочек бы позвал, друзей, коньяк-шмоньяк, выпить-закусить, то-сё. А музыку какую слушает в машине! Всякие там симфонии или эти, как их, медитационные медитации. Выть хочется к концу дня. Ну и главное – баба эта его! Что он в ней нашёл? Ни рожи, ни кожи. Жопа, конечно, большая, но честно говоря, уж слишком большая. Да и вообще, какая-то потрёпанная жизнью она, в смысле, баба, да и жопа ейная тоже. Подругу олигарха, то бишь Юю Савельевну, которую хозяин иногда просил Зосима Петровича подбросить по делам, шофёр про себя обзывал «пожилой девочкой».

«Вот были бы у меня такие деньги, – размышлял Зосим Петрович, – уж я бы гульнул».

В гульбе Зосим до сих пор замечен не был. Пару раз в неделю для поддержания формы он посещал тренажёрный зал, конечно, не тот, в который ходил Самуил Демьянович. В тренажёрке Зосима Петровича не то что бассейна не было, но и душа. Впрочем, Зосим Петрович не жаловался. В подвал общаги ПТУ, где располагалась тренажёрка, заходили бывшие коллеги, рассказывали о трудной доле российского полицейского, говорили: «Ну ты-то молодец, хорошо устроился». «Я хорошо устроился», – улыбался Зосим Петрович. Жаловаться ему не хотелось. Немного обидно было, что бывшие коллеги за пятнадцать лет успели сделать карьеру, а он пришёл на работу рядовым, а ушёл с неё младшим сержантом, но кого ж в том винить? Нужны же стране и младшие сержанты.

Сделавшие карьеру бывшие коллеги делились новостями. Вот мучаемся с одним жуликом. Действует, понимаешь, нагло, но эффективно. На голову чулок, и в частный дом. Сначала через забор перелезет, а потом, если дверь открыта – в дверь: днём двери открыты почти у всех. Бывало пару раз, что через окно заползал и бегом к шкафчикам, хватает, что подвернётся, и тут же назад. Как будто нюх у него на богатство: то золотишко стырит, то пачку долларов. Сами-то хозяева тоже молодцы, кто сейф оставит открытым, кто драгоценности разложит на видном месте. С хозяевами он старался не конфликтовать. Если что, просто запирает в одной из комнат, угрожая пистолетом. Но пистолет в ход никогда не пускал. Вроде это у него вообще не боевой ствол, так, пугалка. Без сообщников действовал. Всё один. Нахальством брал, скоростью. Хозяева звонят в полицию, мы выезжаем в адрес, охранная сигнализация пиликает, чопики тоже подваливают, а ловить некого. Пять минут всего, а его уже и след простыл. Что схватил, то схватил. Потом огородами, палисадниками, лесополосой. Мы его даже с собакой пытались найти. Добежали до автострады, там пёсик след потерял, машины, сам понимаешь, вонь бензиновая. Фоторобот хрен составишь, он же в чулках. Отпечатков нет, перчатки носит. Ни гильз, ни нормальных записей. Подключилось Главное управление. Всё там пропылесосили, нашли несколько волосков. Щас будут сличать ДНК. Короче, он десять домов обчистил за три недели. Потом затих. Решили, гастролёр нашкодил, да и укатил дальше. Тут – раз, опять вызов. Наверное, приболел просто, а как выздоровел, опять за старое. Неделю назад вроде бы взяли его. Напоролся на одного дедка – охотника. Тот в кладовку запирается отказался, а наоборот, побежал за ружьём. Успел пару раз пальнуть. Теперь этому грозит пятнашка за грабежи, а тому – трёшка за превышение. Ну если жулику, конечно, повезёт (он в реанимации), а деду не повезёт (у него ствол какой-то левый, чуть не с войны). Так вот, вчера опять был вызов в коттеджном посёлке. Та же история, чулок, пистоль, хватай-беги. Вот и ломаем голову: он – не он. Может, подражатель завёлся.

Закончив качать мышцы, Зосим Петрович паковал тренировочные штаны и майку в сумку-банан и шёл пешком три квартала до квартиры. Дома включал телевизор и варил пель-

мени. По вечерам в доме Зосима Петровича на кухне светился монитор, а в воздухе плавал пахнувший лавровым листом дымок.

3

Самуилу Демьяновичу многое нравилось в Ие Савельевне. Разумеется, он наблюдал негибкость её стана и некоторую излишнюю округлость форм, неброскость её экстерьера в целом. Но ведь и самому ему уже далеко не двадцать. С годами Самуил Демьянович, ранее привечавший лишь стандартизированных красавиц, выработал в себе визуальный бодипозитивизм: какая баба есть – такая и есть: на всех длинных ног у бога не хватило. Ныне Самуил Демьянович ценил в женщинах всё больше глубину души.

Глубина в Ие Савельевне, безусловно, имелась. Глубина и страстное желание разбогатеть. Наивная, почти детская вера Ии Савельевны в магию денег очаровала Самуила Демьяновича, напомнив ему времена былые, в целом светлые, но слегка и тёмные. Самуил Демьянович прекрасно понимал свою возлюбленную, сам когда-то был таким. Хотя теперь, разбогатев, осознал также иное: заработать деньги просто, куда сложнее их сохранить и преумножить. В самом деле, существует множество способов разбогатеть. Можно трудиться, можно воровать, можно и то и другое вместе (самый русский вариант). В конце концов, не исключено обыкновенное везение: вовремя вложился в криптовалюту, случайно купил правильный лотерейный билет, удачно женился. Примеров превращения условных чистильщиков ботинок в миллионеры он мог привести немало, но и обратный процесс происходил с завидной регулярностью, особенно если в теме были замешаны женщины и дети. Самуил Демьянович дважды относительно удачно отбивался от притязаний бывших спутниц жизни, так что к выбору очередной жены отнёсся со всей серьёзностью.

Третья жена Самуила Демьяновича, подарившая ему десять лет назад первенца-сына, отличалась кротостью и незаметностью. Она сразу без всяких условий подписала подготовленные юристами бумаги, не лезла с расспросами, отвозила ребёнка в детский сад, а потом в школу. С женой Самуил общался мало, впрочем, на то была причина физиологического свойства. Отец семейства предпочитал проводить время наедине с самими собой – в кабинете под крышей дома или в подвальном помещении, доступ в которое имел только он сам, да ещё выписанный из Москвы специалист по экзотическим животным, который приезжал раз в две недели. Вечером в доме царила тишина, прерываемая разве что звуками клацанья клавиш и короткими, не совсем цензурными восклицаниями (сын играл в сетевые игры).

Желание людей побыть на какое-то время миллионерами можно и нужно монетизировать! Собственно, всё можно и нужно монетизировать. Проблема как раз в том, что далеко не всё при этом монетизируется.

– Идея, конечно, хорошая, не спору. Но можно ли это продать? Иными словами, будут ли у данной услуги потребители?

– Без сомнения будут, Демьяныч. У нас полстраны живёт по принципу: понты дороже денег. Так что даже не сомневайся, народ попрёт. Всем нужен свой БАЦ.

Самуил Демьянович повидал на своём веку немало стартапов, на могильных плитах которых можно написать: нас погубило самомнение основателей. Хотя понты, это верно, у нас действительно ценят.

– Надо бы говорить: своя БАЦ, но это не так важно. Давай-ка, Июшка, мы по твоей идее бизнес-планчик напишем. Я своим ребятам скажу, пусть посчитают.

4

Рекламу про «миллионера на час» Зосим Петрович увидел по телевизору во время ужина. Обычно рекламные ролики он переключал, и потому пульт держал всегда неподалёку. Вот и сейчас рука сначала дёрнулась в поисках ремоут-контрола, чуть не опрокинув свежезаваренные «Булмении», но вовремя остановилась. С экрана на Зосима Петровича смотрел крепко сложенный мужчина средних лет. Смотрел уверенным взглядом. Уверенности мужчине придавали хороший костюм, надетый поверх нагло распахнутой на груди рубашки, под которой виднелся огромный крест в стиле Стаса Михайлова. С боков мужчину подпирали две красавицы модельной наружности. Сначала все трое пили шампанское и улыбались, потом куда-то ехали в автомобиле с кожаным интерьером. Заканчивался ролик закатом, морскими очертаниями и какими-то неясными тенями с лёгкой эротической окраской. «Позволь себе стать миллионером на час», – томно шептала девушка в конце ролика.

Вот оно. То, что нужно. Миллионером по жизни мне не стать, а миллионером на время можно. Надо только уточнить, сколько стоит всё это безобразие? Трубку подняла девица, мурчащая тем же томным голосом, что и в рекламе. Зосим Петрович немного потоптался на месте, прежде чем заговорил.

– Здравствуйте. Я хотел бы... Скажите, а почём это у вас: миллионер на сутки?

Девица назвала цену.

– А на полсутки? А на пару часов? А на час?

Девица прочитала данные из прайса и скороговоркой добавила, что «быстрозаймы» до получки всегда помогут тем, кому нужны деньги, три отделения по городу, самый выгодный процент, пять минут для решения, нужны всего два документа плюс подтверждение владения недвижимостью или автомобилем, «быстрозаймы» до получки – твой шанс на успех.

Зосим Петрович повесил трубку. Господи, да что ж это такое. Для того, чтобы почувствовать себя миллионером на пару часов надо реально быть миллионером. Но тогда зачем чувствовать-то? Тогда ты и так миллионер. Ерунда какая-то.

– Здравствуйте, дорогие мои подписчики. Сегодня я начну записывать для вас серию коротких роликов на тему больших амбициозных целей или сокращённо БАЦ. В личном коучинге я работаю сейчас с несколькими клиентами. Каждый из них уже много добился, но все они не собираются останавливаться на достигнутом. Я попросила их зафиналить свои БАЦи на ближайшие год-два, оцифровать их. Получилось интересно. Например, один мой знакомый, человек весьма состоятельный, планирует увеличить свой доход за ближайший год вдвое. Казалось бы, зачем ему это? Он сам говорит, что за двадцать пять лет в бизнесе устал до смерти и порой просто хочет целыми днями сидеть дома и смотреть сериалы, но не может. Что-то неудержимо тянет его из дома к людям, к новым делам, новым целям, так что всю жизнь он так и будет удваивать и удваивать. Другой мой знакомый, простой водитель, кстати, мне признался, что мечтает наладить отношения с дочерьми. Для этого собирается устроить своим любимым дочкам целую экскурсионную программу. Его я тоже понимаю. У кого из нас нормальные отношения с детьми? Нам же всё время некогда. У меня тоже есть БАЦ. Я хочу зарабатывать в месяц так, чтобы была возможность снять квартиру и офис в Москва-Сити. И ещё я с некоторых пор овладела техникой бесконтактного дальновидения. Данная техника позволяет заглянуть в будущее, понять перспективы того или иного начинания, а, как вы понимаете, для бизнеса предвидение – бесценный дар. Моим учителем по бесконтактному дальновидению был сам Эльдар Эльдаров, ученик самого Джона Джонсона, гуру психофизиоанализа, человек-легенда в мире коучмастеринга. Если вы хотите узнать, будет ли ваше начинание прибыльным, скорее записывайтесь на мой семинар, который состоится через два месяца. Бесконтактное дальновидение – тайная технология зороастрийских магов, афинских архонтов, агентов ЦРУ и МОССАД – наконец-то рассекречена. Торопитесь, количество мест ограничено.

Содержание рекламного ролика оставило глубокий след в памяти Зосима Петровича, словно ободранная неоновая вывеска «С Новым годом!» на стене дома над входной дверью соседской «Пятёрочки». Куда бы он теперь ни шёл, что бы ни делал, его постоянно преследовал этот образ – холеный мужик средних лет в компании двух красивых девушек.

«Мои-то вот, наверное, такие же обе – высокие, здоровые. Мать-то у них крупная была. А это нынешнее поколение вообще всё немаленькое, особенно в некоторых местах».

С дочерьми Зосим Петрович общался мало. Хотя старшая, Марина Зосимовна (та, что помнила его, в отличие от младшенькой, Зосимовны Елены, видевшей отца в последний раз совсем уж крохой) звонила иногда, спрашивала про здоровье.

«А что, позвоню ей сам, предложу приехать. Чего стесняться?»

– Аллю.

– Маришка? Это папа.

– А-а.

– Привет. Мариш, как ты? А Ленусик? Слушай, что-то мы давно не собирались вот так вот, по-семейному.

– Да мы так-то вообще никогда не собирались.

– Вот я и говорю. Прилетайте ко мне, ходим куда-нибудь.

– Куда?

– Для начала в ресторан, а потом сюрприз будет. Вы, главное, купальники не забудьте.

– У вас там что, солнце включили?

Сын Ии Савельевны, Игорь, первым не звонил никогда. Постоянная занятость матери приучила его к самостоятельности. Денег у неё просить было бесполезно, личная жизнь сына её не волновала, так зачем звонить?

Сама Ия Савельевна, впрочем, также не горела желанием общаться с Игорем. Во-первых, парень уже не маленький, сам разберётся. Во-вторых, она тоже в его годы вкалывала, и никто ей не помогал, так посмотрите, что вышло. В-третьих... Что же в-третьих? Ей было с ним скучно.

Сын, бывало, заходил. Всегда не вовремя.

– Мам, а что у меня опять с кроватью?

– Твоя же кровать, почему ты меня о ней спрашиваешь?

– Тут всё взбелебенено как-то.

– Потому что надо было её заправить. И что это за слово такое «взбелебенено»?

– Мам, я когда последний раз приходил, то всё прибрал, я прекрасно помню. И постель заправил.

– Игорь, отстань, пожалуйста. И хватит уже жрать! Всё ходишь и кусочничаешь. Сколько можно! Посмотри на себя, ты же в дверь еле пролазишь. Ну в кого ты такой! Побегал бы лучше вокруг стадиона, в спортзал записался. И вообще, ты чего пришёл-то?

Самуил Демьянович виделся с сыном по вечерам, когда забирал его из школы. У них с женой был уговор – отвозит она, забирает он. Сын скороговоркой перечислял отцу события прошедшего дня, пока они шли пешком к машине. Дальше водитель (Зосим Петрович или его сменщик) отвозил Самуила Демьяновича и Никиту Самуиловича домой. В дороге сын молчал, стеснясь чужого человека. После ужина Никита бежал к компьютеру, а Самуил Демьянович поднимался в свой кабинет или спускался в подвал. Рано утром отец уезжал на работу, а сын с мамой делали уроки. По выходным семья иногда собиралась перед телевизором для совместного просмотра какого-нибудь фильма (преобладала супергеройская тематика), но во время сеанса Самуил Демьянович в основном смотрел на экран своего смартфона.

Цзюева надеялась, что новый проект выстрелит, но что он будет столь успешен, не ожидала. Яркая реклама и альянс с принадлежащими Самуилу Демьяновичу «Быстрозаймами до получки» сделали своё дело. Желających почувствовать себя на час-другой миллионером было не то чтобы очень много, но вполне достаточно, чтобы окупить затраты на актёров, проституток и охранников, а также слегка заработать.

«Демьяныч утверждает, что через год, максимум полтора, проект надо будет свернуть. К чему тащить за собой шлейф разочарований? А шлейф-то будет, Демьяныч прав. Попробуй-ка всем угоди. У каждого своё представление о буднях миллионеров, о БАЦе, так сказать. Да и вообще, смысл успешного стартапа – запуститься, быстро отбить деньги, затем продаться. На вырученную маржу запустить новый стартап. Впрочем, к чему это я? Не на семинаре же у самой себя.

Эх, люди-люди. Людишки. До чего же мелкие у вас БАЦи. Машина, тёлки, бассейн, охранник с наушником. Господи, ну хоть бы кто-нибудь попросил что-то оригинальное. Вот у меня БАЦ, так БАЦ. Не просто офис, а офисище, не просто жизнь, а жизнь в Москве. Не просто в Москве, а в Москва-Сити. Мне там лучше, чем здесь. Люди там как будто бы роднее, все чем-то заняты, тупых меньше. Люди деньгами увлечены. В Москве миллионерами на час мечтает стать полгорода. Другая половина уже миллионеры. Опять же там солнце чаще светит».

«Быстрозаймы до получки» располагались неподалёку от квартиры Зосима Петровича, рядом с остановкой и «Пятёрочкой», между шаурмой и разливным пивом. В небольшом закутке, символизирующем офис, ютился молодой сотрудник за «стойкой», висели плакаты на стенах, на столе лежала пачка визиток и заарканенная проволокой ручка.

Зосим Петрович долго глядел на протянутый ему документ. Позади него постепенно образовалась очередь из двух человек, один из которых громко вздыхал, а второй постоянно шаркал ногами. Откуда они взялись? Не было же никого! За весь день никто в эту будку не заходил, а сейчас, как назло, когда надо подумать, появляются вот такие, шаркают, вздыхают, действуют на нервы! Нет, не могу я в таких условиях брать деньги на своё миллионерство.

Может, у Самуила Демьяновича попросить? В конце концов, зачем ему бабки? Он же их всё равно толком не тратит! Ну съездил в прошлом году в Испанию, ну шмоток купил жене, ну всякие там расходы на дом. Но так-то это всё равно ерунда выходит. Вон пацаны говорят, он в прошлом году задекларировал нифигически много то ли десятков, то ли сотен миллионов. У пацанов доступ есть к налоговым базам, они не соврут. Решено, попрошу. Самуил мужик добрый, даст. Что ему, миллион туда, миллион сюда.

Зосим Петрович несколько дней готовился к разговору с хозяином. В понедельник не срослось, потому что олигарх почти всё время не вытаскивал из ушей наушники. Во вторник – потому что у него было много встреч. В среду он что-то слишком долго зависал у этой своей пожилой девочки, в четверг хозяин вообще не выходил из дома. Наступила пятница. Откладывать разговор дальше было нельзя. Прямо сейчас, с утра.

Самуил Демьянович размышлял. Ставки по долларовым депозитам близки к нулю. По евро – уже стали отрицательными. Рынок еврооблигаций перегрет. Акции ведущих американских корпораций стоят так дорого, что вложения в них становятся экономически бессмысленными. В лучшем случае получишь те же два процента годовых, что и по трежерис, если вообще что-то получишь. Есть, конечно, надежда на дальнейший рост котировок российских акций, но возможно и резкое падение. С финансами в этом мире явно что-то не так. Банки не стре-

мятся принимать вклады от населения, потому что правительства им и так ссуживают сверх меры. Денег так много, что они стали никому не нужны.

– Самуил Демьянович.

– Да, Зосим Петрович.

– У меня к вам разговор, просьба, точнее.

– Слушаю вас.

– Мне бы. Я бы. Вы не могли бы. Могли ли бы вы. В общем, займите мне денег, пожалуйста.

– Сколько?

– Вот столько.

– Зачем вам?

– На девочек хотел потратить, точнее сказать – на детей, ещё точнее – на дочерей.

– Чьих дочерей? Зосим Петрович, вы извините, я что-то за эту неделю устал очень, сообщая плохо. Давайте в понедельник обсудим.

7

Зосим рассуждал медленно, но верно.

Положим, теоретически деньги можно взять у него в сейфе. Месторасположение сейфа я знаю. Сейф у него старый с крутилочкой и длинным ключом. Крутилочку он не сбивает нарочно, чтобы не мучиться с набором, а ключ хранит в выдвижном ящике. Я несколько раз видел, как он доставал ключ из ящика, поворачивал его, потом дёргал за ручку и открывал сейф. Доставал оттуда пачку-другую, снова закрывал на ключ, а ключ возвращал обратно в ящик. Вот вечно у него так. Ленился он, трудно ему что ли крутилочку повернуть! Конечно, тогда придётся её туда-сюда вращать, а коды эти вечно из головы вылетают. Ну а так, выходит, любой желающий может деньги у него вытащить. Дома у него никого. Жена с ребёнком в школе. Ключ от входной двери он мне сам отдал на всякий случай. Стоп, а камеры? У него там камеры кругом. Чулок на голову надену, как этот, неуловимый жулик, который в реанимации лежит. Да нет, ерунда какая. Что это я? Он же шеф, босс, хозяин, олигарх. Но я же не навсегда у него возьму, а так, на пару месяцев, от силы на год. Потом аккуратно положу обратно. Он и не заметит. Что я, виноват, что он не слышит ничего! Я ему и так, и этак, Самуил Демьянович, Самуил Демьянович, вы не могли бы мне помочь, у меня же две дочери, я же не видел их давно, вот хочу тудыма-сюдыма, посидеть-отдохнуть, культурно так, по-человечьи. А он? Извините, я за-анят, давайте пото-ом!

Вообще-то у него с собой должна быть наличка. Он же сегодня встречается с этим лысым. Если всё будет, как обычно, то они сначала перетрут в кафе напротив банка, потом пойдут в банк, а потом он оттуда выйдет с рюкзачком, а то и с двумя. Понесёт потом в сейф, вытащит из рюкзака кулёк, засунет его внутрь. Дней через пять вытащит кулёк из сейфа и отвезёт его тому чёрненькому. Сколько в один рюкзак помещается? Если брикеты из тысячных, то миллионов шесть-семь, а если пяти тысячными, то вообще до хрена. Ну мне-то столько не нужно. Я отщипну чуток. А возвращать как буду? Опять, что ли, чулок на голову?

– Самуил Демьянович, давайте остановимся здесь, я забыл кое-что.

– Что?

– Колготки. Жене обещал купить.

– Ты женат?

Зосим останавливает машину в неполюженном месте, заехав на пешеходный переход и, не заглушая мотор, бежит со всех ног в чулочно-колготочный отдел. Смушаясь, словно подросток, он выбирает подходящее изделие. Продавщица, наблюдая муки покупателя, приходит на помощь. Впрочем, помощь (наводящие вопросы про размеры жены) приводят Зосима Пет-

ровича в ещё большее замешательство. Наконец он выбирает товар, расплачивается и бегом возвращается на водительское сидение.

- Самуил Демьянович, давайте здесь тоже остановимся.
- Опять что-то забыл?
- Да, эту, как её, клейкую ленту.
- Скотч, что ли?

Зосим останавливает автомобиль под знаком «Остановка и стоянка запрещена», врубает аварийку и, крикнув то ли Самуилу Демьяновичу, то ли пешеходам, то ли самому себе «ящас-скоробуду», мчит в строительный отдел. Скотч он покупает не в пример колготкам быстро.

Самуил Демьянович действительно попросил отвезти его на встречу со знакомым банкиром. После непродолжительного общения «хозяин-олигарх» вернулся в автомобиль с рюкзаком. План Зосима Петровича из виртуального становился всё более реальным.

- Домой едем, Самуил Демьянович?

Что-то не так. Что-то новое, едва уловимое в голосе водителя. Что-то странное во взгляде, который Зосим старательно прячет, а потому не смотрит в зеркало заднего вида.

- У вас что-то случилось, Зосим?
- У меня? Да нет. В смысле дочки должны прилететь, волнуясь. Вот.
- Дочки?

– Да, у меня две красавицы. Звонил им всю неделю, просил приехать, показать тут всё, как живу, как работаю. А они виляют-виляют. Вроде Марина-то согласилась, да ещё и Ленку уговорила наконец. Звонила сегодня. В восемнадцать двадцать самолёт встречаю. С вами закончу и сразу в аэропорт. Потом в ресторан запланировал с ними. Потом в бассейн.

- После ресторана? Не трудно ли будет?
- Да нет, они ж у меня спортсменки.

8

Самуил Демьянович подполз к Ие Савельевне и наклонился над её разгорячённым от тяжёлого дыхания лицом. Ползти было тяжело, голова болела, на затылке запеклась кровь. Самуил Демьянович сделал движение головой, потёршись о лицо Ии Савельевны. Скотч, неровно заклеивавший рты любовников, поддался и после минутной борьбы капитулировал.

- Демьяныч, кто это там?!

В голосе Цзюевой слышались хрипы и страх.

В последнее время Самуил Демьянович предпочитал встречаться с Ией Савельевной у себя дома днём после обеда, когда жена уезжала в спортзал и на шопинг. Сама возможность быть пойманными с поличным придавала их свиданиям, по мнению Самуила Демьяновича, остроту. Хотя вернее будет предположить, что ему надоел бардак цзюевского жилища и гостиницы уже приелись.

- Крокодил, точнее аллигатор.
- Господи, зачем? Он же нас съест.
- Не съест, он же в клетке.
- Это что у него там, бассейн? Демьяныч, ты чокнутый.

Часом ранее Зосим Петрович отвёз Самуила Демьяновича и Цзюеву в дом и ушёл восвояси. Любовники успели сходить в душ, чтобы встретиться в кабинете наверху, но тут кое-что случилось. Самуил Демьянович получил неожиданный удар тяжёлым предметом по голове от неизвестного типа, Цзюеву этот тип до смерти напугал пистолетом. В итоге оба оказались в подвале голые и обмотанные скотчем.

- Как он выглядел?
- Невысокий такой, с колготками на голове.

– Колготками? Может, с чулком?

– Нет, точно говорю, с колготками. Он в них выглядел, как викинг с отвисшими рогами.

– А лицо? Русский, кавказец, азиат?

– Скорее, негр, но возможно, это из-за колготок, а вообще не знаю, мне так страшно было, я не вглядывалась.

– Не вглядывалась. А внутренним глазом? Ты же у нас специалист по бесконтактному дальновидению. Почти экстрасенс. Может, что-то всё-таки углядела по тайной методике МОС-САД и ЦРУ? От кого мне прилетел этот бац? Какие-то детали?

– Ну... сеточка у него была на колготках, цветочки. А вообще, в колготках он явно не разбирается, болталось всё, явно ошибся с размером.

Самуил Демьянович задумался, глядя на ошметки скотча по полу.

– Это водитель.

– Какой водитель?

– Зосим Петрович.

– Зосим? Твой лысенький плюгавенький охранничек?

– Умеешь ты обидеть человека.

– Ой, прости, пожалуйста. Но я же это про него, а не про тебя. Ты у меня не такой уж и лысый.

– Вот же дурачок. Мы с ним останавливались по дороге, чтобы он купил колготки и скотч. Я ещё спрашиваю у него: ну зачем тебе колготки? А он давай про жену врать. Господи, какая у него может быть жена. Вот с размером и промахнулся. Болталось, говоришь, на нём? На крупную жопу взял, вроде твоей.

– Ты тоже за языком следи, пожалуйста, любимый.

– Да это я так, без негативной коннотации. Жопы должны быть большой, иначе зачем она. Эх, Зосим, Зосим. Ну почему? Ведь всё же было у человека – работа, деньги, а теперь – уголовка светит. Я сразу понял, что с ним не всё нормально, мало того, что про жену сочиняет, ещё какие-то сказки про дочерей выдумывает. Он их, видите ли, собирает в ресторан сводить и в бассейн.

– Почему сказки? Он мне тоже про это говорил.

– Ты что, разговаривала с ним?

– Да, пару дней назад. Попросила его вытащить пару карт.

– Ты ему давала эти твои карты Таро с разноцветными какашками?

– Не Таро, а карты свободных ассоциаций. Они пробуждают внутреннее дальновидение. Каждый находит в них что-то своё. Вот Зосим, например, нашёл в них зоопарк и цирк.

– Он всегда мне таким и казался – семилетним, наивным любителем зоопарка и цирка. Но вот видишь, где мы из-за него? Семилетние наивные дети – самые страшные звери на Земле. Они давят жуков и издеваются над инвалидами. Просто так, из интереса, по приколу.

Сверху раздались характерные звуки почти бесшумного появления жены Самуила Демьяновича. Судя по скрипу досок, жена быстро обошла территорию дома и, увидев что-то нехорошее, направилась искать мужа. Дверь в тайную комнату была не заперта, всё из-за торопливости грабителя, который стремился покинуть помещение как можно скорее. Жена потянула ручку на себя, вошла, включила свет, увидела лежащих на полу людей и издала характерный горловой звук.

– Нож принеси с кухни, – отчётливо произнёс Самуил Демьянович, – а потом дуй за ребёнком, мне некогда, сама видишь.

Жена кивнула и удалилась.

– Демьяныч, я тебе давно хотела сказать: жена у тебя – просто отпад. Красивая, стройная, за домом следит, ни пылинки, ни соринки, за ребёнком ухаживает. К тому же добрая такая.

Зачем тебе я? Я понимаю, что периодически с кем-то хочется поговорить, но ты вроде бы не из болтливых. Кстати, как ты с ней общаешься? Язык жестов выучил или этот, как его, Брайль?

– Мы пишем друг другу сообщения в «Вайбер».

– Я серьёзно!

– Я серьёзно.

9

Трудно сказать, что случилось дальше. Вариантов, как минимум, три.

Может быть Самуил Демьянович первым делом, как только руки снова стали его слушаться, позвонил руководству ЧОПа.

– Филипп, привет. Слушай, дело есть. Привези ко мне Зосима. Зачем? Да надо поговорить с ним, обсудить кое-что. Он у меня тут украл одну вещь, похоже. Нет, ментам звонить не надо. Он в аэропорту сейчас может быть. Вы его тихонько берите, аккуратно. А потом сразу ко мне. Я его хочу поближе познакомить с царством животных.

Слегка оглушённого, вполне ещё живого, но уже скованного наручниками по рукам и ногам Зосима Петровича через полтора часа доставляют в дом Самуила Демьяновича.

– Куда его, шеф? – спрашивает долговязый чоповец.

– В аллигаторную. Отнесёте и свободны.

В аллигаторной остаются четверо. Трое усердно работают, четвёртый готовится умереть.

– Что же ты, Зосим, думал, всё тебе с рук сойдёт? Думал, дурак у тебя хозяин? Совсем тупой стал на старости лет? Июшка, вот здесь поддержи, я его скотчем обмотаю. Да-да, Зосим Петрович, вот этим твоим скотчем. Настюша, пилу принеси из подсобки. Да не эту, бензиновую. Вот нормально. Так, девочки, умницы мои. Ты его за ноги будешь держать, а ты за голову. И ещё музыку включите, у нас же Marshall беспроводной имеется. У кого телефон поблизости? Ах, ну да, у тебя же музыки-то нет. Ладно, свой включу, подождите немного. Только найду что-нибудь лирическое. Вот Нору Джонс, например. Так, готовы? Ну, понеслась. Ия, не переживай, это недолго, пару минут подёргается и перестанет. Медитируй, дыши глубже, думай о прекрасном. Бери пример с Настюшки, вся в кровище и не морщится. Вот за что я её люблю. Так, теперь давайте эти кусочки кинем нашему крокодилчику. У-тю мой сладкий! Сожрёт-сожрёт, не переживайте. Крупный аллигатор его возраста может сожрать тушу антилопы, а уж мелкого чопика он проглотит и не заметит.

Визг бензопилы периодически сменяется ударами топора, некоторые кости никак не хотят пилиться. Затем наступает черёд хруста и причмокиваний – это аллигатор знакомится со вкусом Зосима Петровича. Когда хруст прекращается, обитатели аллигаторной комнаты отчётливо слышат стук клавиш. Значит, всё в порядке, ребёнок занят делом.

– Ну что, девочки, одежду в печку, а сами в душ?

Нет. Вряд ли такое возможно. Самуил Демьянович, хоть и акула капитализма, но не до такой же степени. Есть вероятность, что на самом деле всё было по-другому. Зосим Петрович после работы ещё раз позвонил старшей дочери, потом посетил «Быстрозаймы до полочки», а после стоял в зоне ожидания аэропорта. Самолёт уже приземлился, выпустил из железного брюха озабоченно смотрящих в свои смартфоны людей. Кого-то встречали цветами и табличками. Кто-то просто шёл сам по себе в сторону парковки автомобилей. Многие напряжённо следили за перемещениями маленького автомобильчика на экране смартфона.

Зосим Петрович ожидал дочерей в окружении свиты из двух мужчин. По бокам от чоповца стояли другие чоповцы, нанятые им через «Миллионера на час», один держал в руках нереальных размеров букет, другой свирепо вращал глазами, жевал жвачку и каждую минуту поправлял белый наушник.

Вот и дочери показались.

– Леночка, как ты выросла, с трудом узнал.

– Здравствуйте.

– Давай на ты, всё ж не чужие люди.

Самуил Демьянович прибыл в аэропорт вовремя. Семейство во главе с Зосимом Петровичем как раз расположилось в кафе под надзором сидящих за соседним столиком охранников.

– Зосим Петрович, какая неожиданность! – обрадовался Самуил Демьянович.

– Шеф, кто это? Хотите, мы его устроим? – грозным голосом спросил Зосима Петровича внезапно подскочивший охранник со жвачкой.

– Придурок, это я твой шеф, сам тебя нахрен устрою, – прошептал Самуил Демьянович охраннику.

– Ой, извините, не узнал вас из-за этой штуки на голове, – смущённо просипел охранник и вернулся за свой столик.

– Не познакомите с вашим очаровательными спутницами? – обратился Самуил Демьянович к Зосиму Петровичу.

– Это дочки мои, Мариночка и Лена. А что это с вами, Самуил Демьянович? Вы ранены? Бинт у вас, что ли?

– Да так, пустяки, бандитское нападение. По округе бродит какой-то жулик, врывается в дома. Ну вот я и попался под горячую руку.

Самуил Демьянович присел за столик к Зосиму и его детям. Завязалась дружеская беседа о том, о сем.

– А знаете что? Давайте ко мне заедем. Всей компанией, – предложил Самуил Демьянович.

Зосим Петрович стал отнекиваться, дескать, да мы уже распланировали всё, тут у нас такое намечается, такое начинается. Вот пять минут ещё в кафе, потом в бассейн, там час, потом в ресторан, там полтора, всё уже заказано, всё уже оплачено. Потом ещё и на обратный рейс надо успеть.

– Ничего страшного, Зосим Петрович, не надо торопиться. Пусть девочки отдохнут у тебя подольше. Разве можно за день город посмотреть! Здесь театров одних штук десять. А ещё набережная и... что там у нас ещё есть? Облака, тучи, осадки. Это я так шучу, конечно. В общем, отдохните, осмотритесь. Да, кстати, Зосим Петрович, я ведь вам денег должен, а вы всё молчите, не напоминаете. Не отпирайтесь, было дело. Марина, Елена, ваш отец – просто прекрасный человек, он много работает, хорошо зарабатывает. Деньгами ссужает всех направо и налево. Вот тут у меня для вас свёрточек, Зосим Петрович. Берите-берите. Долларами отдаю, как и брал. А знаете, я что подумал? Может, как осмотритесь, сразу рванёте все вместе в отпуск в дальние края. В Таиланд, например. Отдыхать, так отдыхать. Если что, я вам порекомендую апартаментчик, он у меня всё равно на год вперёд оплачен. Кстати, Зосим Петрович, а зачем вы сегодня колготки со скотчем покупали?

Последнюю фразу Самуил Демьянович бормочет Зосиму Петровичу в самое ухо. Тот отвечает также тихо, похрустывая денежным свёртком.

– Да я, понимаете ли, хотел подарки девочкам сделать, а что купить не знал. Вот выбрал им по паре колготок с цветочками. А скотчем хотел пульт починить, а то батарейки вываливаются.

Нет, не было этого. Ни в какой аэропорт никто не поехал. Никто ни с кем не встречался. Был один разговор, да и то по телефону.

– Алло, Марина, ну так что?

– Привет, пап. Хорошо, что позвонил, я сама тебя собиралась набрать.

– Сама?

- Ну да, предложение одно есть.
- Предложение? Я не понял, вы прилетаете или нет? А то мне заказывать надо.
- Пап, ну ты что? Куда прилетаете? В эту твою дырищу? Что мы там делать-то будем?
- Ну как? Я же говорил. Кафе, бассейн, ресторан. А, ещё забыл, в бассейне сауна есть.
- Господи, папа...
- И ещё хамам.
- Пап, слушай, если тебе хочется денег на меня потратить, то у меня есть вариант получше, чем сауны с хамамами.
- Чего?
- Пап, мне бассейн с рестораном не нужен. Мне бы деньгами просто получить, понимаешь?
- А?
- Я говорю, скинь мне, пожалуйста, денежек. Мы тут с моим парнем стартап один замутили перспективный. Дело супер, основано на принципах бесконтактного дальновидения. Бизнес-план подготовили, все дела. Магазин открываем. Виртуальный. Шоу-рум стоков из лучших секунд-хендов. Знакомый один обещал прогу для АйОс запилить. Чтобы приложение было, а ещё чат-бот в телеге, ясно?
- Что?
- Пап, я тебе номер карточки скину. Ты перечисли, если не трудно, раз уж всё равно тебе деньги некуда деть.
- Марина, мне второй номер звонит. Ты повиси немного.
- Алло! Зосим! Фигли ты трубу не берёшь? Я уже задолбался тебе трезвонить.
- Филипп Геннадьевич, я с дочкой разгова...
- Шефа обокрали, а ты трындишь. Давай, ноги в руки и к нему!
- Какого шефа? Кто?
- Ты совсем тупой? Я говорю, бегом к нему! Менты всех опрашивают, кто что видел. Ты последний с ним общался до того как.
- Зосим Петрович бежал по вечернему городу в синем спортивном костюме (фейковый китайский «Адидас») и белых кроссовках (тоже китайский «Адидас», но настоящий). Со стороны его вполне можно было принять за расслабленного джоггера, если бы не выражение лица. Вот и знакомая с детских лет остановка. Вот и ларьки, которые то сносят, то строят заново, чтобы нужные люди могли заработать. Надо же, а «Быстрозаймы до полочки» ещё работают, и народу внутри нет. Мне же к шефу надо, ну да ладно, я же быстро, на пару минут всего.
- Здравствуйте, я вот тут был у вас недавно. Денег хотел взять немного. Ну как немного. Типа чтобы хватило на стартап один. Очень перспективный. Шоу-рум для АйОса.
- Документы у вас с собой? Паспорт, права, документы о собственности на машину.
- Документы у меня всегда с собой.
- Вот стандартный договор, обратите внимание, что размер неустойки – один процент в день.
- Это что значит?
- Это значит, что платить нужно вовремя.
- Слушайте, а вы можете сразу на счёт отправить? Ну дочке моей, это она всё замутила с этим... стоком.

Ночью в относительно старинном губернском городе по-прежнему ничего не происходило. Самуил Демьянович с перебинтованной головой в тишине кабинета читал книгу. Ия Савельевна пыталась выбрать удачный ракурс для записи ролика в «Инстаграм». Зосим Петрович ел пельмени под аккомпанемент сериала. Солнце согласно прогнозу ожидалось через два месяца.

Татьяна Княжицкая. Ave Maria

Уехал. Тамара сидела на кровати в комнате старшего сына и сжимала дрожащие губы. Сколько раз она представляла момент разлуки с сыном, столько раз обещала себе – не плакать. И все недолгие сборы держалась молодцом, была деловита и насмешлива. А сердце сжималось от предстоящего расставания. Её сын Егор, мальчишка семнадцати лет, весной окончил школу и сразу поступил учиться в институт, и не куда-нибудь, а в заграничный университет. В её настроении, словно червоточина, появилась печаль, которая становилась всё больше, всё глубже, пока не вытеснила другие чувства.

День отъезда настал на исходе августа. До самого последнего момента у неё хватало выдержки, и только тут, обняв сына за плечи, она уткнулась носом ему в грудь, надеясь перебить себя и совладать с непослушным лицом. Сын не разнимал объятия. Так и стояли молча, ведь всё необходимое было сказано, а несказанное – больше любых слов.

Только когда глава семейства произнёс негромко: «Ну ладно, ребята, пора. Такси ждёт», она оторвала себя от сына. И тут её большой мальчик с фигурой мужчины по-детски закрыл ладонями глаза. Она смотрела на него, не отрываясь, сочувствуя всем сердцем. Мгновение было кратким, но уже тогда она знала, что именно этот момент будет являться ей в воспоминаниях всегда, до самой смерти.

Он отправился с отцом в аэропорт, а она осталась дома, мысленно провожая его до самолёта: вот он сел в такси и знакомым движением надел наушники. Вот уже Пулково, стойка регистрации, паспортный контроль, ожидание. Взлёт.

Мокрые звёзды мигали в окне. Комната была полна его присутствием. Каждая вещь хранила прикосновение его рук и деятельного внимания: затейливые шахматные фигурки, забытый на стуле свитер, даже мусор и тот был исполнен значения. Всё, от коллекции монет до одинокого носка, сморщенной рыбкой приткнувшегося в углу, – было его, и не могло быть иначе. Она разглядывала книги, ещё вчера питавшие его ум, черновики, заполненные небрежным крупным почерком, где без всяких запятых неслась галопом его мысль. На полке красовались кубки с соревнований, которыми он так дорожил. Вчера. А сегодня в один миг стало не нужно. Тиканье часов увеличивало расстояние между матерью и сыном, приближая его к будущему, унося в чреве самолёта от прошлого, в котором остановилось её настоящее.

В их небольшой трёхкомнатной квартире им четвером жилось тесновато. Двое сыновей занимали по комнате, третья была их с мужем спальней и одновременно кабинетом, где напротив двуспальной кровати стоял небольшой стол с компьютером. Каждый из трёх членов семьи втайне рассчитывал после отъезда четвёртого на освободившуюся площадь.

Младший сын, Ванечка, хотел поставить там 3D-принтер, который мог напечатать что угодно из длинной полимерной нити. Станок, полученный на день рождения, временно стоял на маленьком застеклённом балконе, где было неуютно и холодно.

Муж надеялся, что в комнате старшего сына устроит себе рабочий кабинет. А Тамара, угадывая желания своих мужчин, всё же надеялась отвоевать комнату под свои нужды. Она рисовала акварелью, и это хобби, сначала уместившееся в маленьких блокнотах на кухонном столе, постепенно выросло до полноценной живописи, для которой уже требовался мольберт, пространство и главное – много света.

Пока Егор был дома, никто не оглашал своих желаний, тему тактично обходили. Когда он уехал – наступила тишина, никто не посмел заявить свои права на его комнату.

Сын обустроивался на новом месте, звонил, рассказывал о новой жизни, о новых друзьях, о своих успехах. Тамара знала, что ему там хорошо, чувствовала – беспокоиться не о чем, но место отрыва ребёнка от матери болело. Не было у него конкретной локации, оно было повсюду, и прежний образ жизни задевал рану слишком часто.

«Ну, все дома?» – как всегда говорил муж, поздно возвращаясь с работы. Вопрос повисал в воздухе. То младший сын, забывшись, спрашивал: «А папа отвезёт нас с Егором завтра в школу?» Тамара по привычке ставила четыре прибора на обеденный стол и потом грустно смотрела на пустое место.

Однажды Егор спросил по телефону: «Как там моя комната, ты рисуешь?» – «Нет», – честно ответила она. «Почему?» Она тщательно подобрала слова: «Там слишком много тебя». Он сразу понял, хлопнул носом, сказал решительно: «Так, выкинь все мои вещи и рисуй!»

Понемногу она начала приводить комнату в порядок. Душевных сил хватало ненадолго. В один день убрала бумаги со стола. В другой – упаковала в коробки вещи сына. Выудила из углов пакеты с мальчишескими ценностями: в одном крючки, грузики для рыбалки, в другом – куски древесины, оленьи рога, наждачка, инструменты для поделок. Комната стала избавляться от следов присутствия прежнего жильца. Наконец Тамара решилась и принесла сюда свои бумаги, карандаши и краски. Можно было рисовать. Но – не рисовалось.

Вот и сегодня, как и месяц назад, она сидела на кровати сына, окружённая уже не вещами ребёнка, а своими воспоминаниями о нём. Все внешние люки были задраены, а все шлюзы внутри открыты. Сознание, вместившее её собственную жизнь и его жизнь, и ещё много других дорогих ей жизней, было безграничным, как небо.

Она вспоминала, как Егорка появился на свет, и два родителя, склонившись над пластиковой роддомовской люлькой, разглядывали ещё незнакомое им существо в коконе пелёнок. Первый год его жизни прошёл для неё в тумане забот и тревог. Тогда ещё мать и сын были единосущим в двух телах. Малыш рос, и объединявшая их невидимая оболочка истончалась, пока не превратилась в тонкую пуповину, до предела натянутую силой отъединения ребёнка от матери. И вот теперь – обрыв.

Словно услышав её мысли, телефон пиликнул: посмотрите, каким был ваш день год, два назад... На экран выскочила фотография многолетней давности – на бумажном квадрате салфетки лежит гриб и надпись неровными печатными буквами «Маме». Она вспомнила тот самый случай на даче, когда пришла домой и увидела этот наивный детский подарок. И сейчас, как и тогда, внутри шевельнулся благодарный огонёк. Память тут же подсунула череду событий из прошлого, где Егорка дарил ей цветы, сначала полевые, затем экзотические из магазина, добровольно мыл посуду, мягко и с юмором хвалил её тогда ещё неумелые картины. Угадывал её желания и копил деньги, чтобы сделать на день рождения подарок. Она поймала себя на том, что улыбается сквозь слезы.

Несколько дней спустя Тамара стояла на репетиции женского хора, где пела вот уже два года подряд. В этот раз собрались в небольшом лютеранском храме, с органистом и трубачом – готовились к концерту. Хористки приехали в будничной одежде, выстроились перед алтарём и раскрыли ноты, словно готовясь принять небесную благодать.

Для концерта разучивали только духовное, на латыни и греческом. Дирижёр взмахнула руками. Репетиция началась. В финале программы они пели «Ave Maria» Вавилова-Каччини – эту мелодию слушатели узнавали сразу и радовались знакомой красивой песне, как родной. Четыре трагических аккорда, и хор повёл свою партию. Торжественно и без прикрас женские голоса выводили одни и те же древние слова: «Ave Maria!» – «Радуйся, Дева!» Они звучали также естественно в этом зале с высокими угловатыми сводами, как птичьи голоса в шелесте листвы, как плеск волны в шуме моря. Орган светло вплёл в паузу своё дыхание. Музыка нависла над миром безграничным куполом. Какой-то большой и ещё не вполне понятный смысл вместе с мелодией проникал в сознание, тщился обрести определённую форму. Он был готов вот-вот прорваться из-за завесы звука словами, и Тамара пела, готовясь принять его, каким бы он ни был.

Она потеряла их всех: своего младенца с едва явленной улыбкой, и увесистого малыша на её руках, что прижимался щекой к её щеке, и непоседу, что на минутку забирался к ней

на колени перед школой, и подростка с тонкой шеей, который разрешал себя погладить лишь после пробуждения, на грани сна и яви, пока его сознание дремало. Они все исчезли неведомо куда, а она не заметила, как это случилось. Каждый раз на встречах с Егором, которых будет ещё очень-очень много, она будет счастлива его обретением и снова потеряет во времени и пространстве, ведь нет ничего неизменного под луной, и только наша память – навсегда.

И нет, и не может быть никакой награды её материнскому труду, кроме того, что уже было дано ей авансом, – рождением ребёнка, а в её жизни даже дважды. Невозможно присвоить себе этот дар насовсем, ибо неписаное условие дарения – отдача. Великая и, возможно, единственная подлинная милость, что даётся женщине судьбой – созидание новой жизни – требует соразмерной благодарности: отпустить добровольно и с лёгким сердцем в мир своё творение, которое тебе не принадлежит, а потом принять всё, что с ним произойдёт. Что же останется? Много, бесконечно много – всё счастье от прожитых вместе лет, и это – только твоё. Прошлое на то и прошло, что в нём ничего нельзя изменить, оно уже состоялось и потому – неизменно.

Кольнула и развеялась мгновенная горечь: и младшего Ванечку – светловолосого мальчишку с сапфировым сиянием под ресницами она тоже отпустит на волю, в своё время. Сразу драгоценными стали те дни, что остались ей, чтобы быть с ним рядом.

«Аве Мария!» – звучало в храме, словно краткий конспект жизни каждой матери на земле. И трубач позолотил своим сверкающим соло её простое откровение, как потускневшую от времени икону обрамляет драгоценный оклад.

Репетиция ещё не закончилась, а перед внутренним взором Тамары уже рождались образы, хотелось рисовать. Надо было купить свежие краски и скорей воплотить замысел на бумаге. И было уже совершенно неважно, где она будет это делать: в так и не определившейся с новым хозяином комнате Егора, на балконе без обогрева или на тесном кухонном столе. Внутри горело от радости, и хотелось скорей прийти домой и одарить своим счастьем мужа, и позвонить сыну в далёкую страну, и ещё раз, но уже совершенно по-другому рассказать ему о своей любви.

Арина Остромина. Любовь и тайная жизнь Феди Журавлёва

Люба отшвырнула тапки в угол, влезла в стоптанные туфли и посмотрела в зеркало. Поправила растрепавшиеся волосы, растянула рот в некрасивой гримасе, уверенно чиркнула помадой по губам. Обернувшись, крикнула в сторону кухни:

– Молчишь? Язык проглотил?

«Ну молчи, молчи, – сказала совсем тихо. – Как же ты меня достал. Убила бы».

Вспомнила, что надо полить цветы, прошла в туфлях к окну и плеснула воды под ствол фикуса. Что это там под листком белеет, кокон? Ладно, вечером разберусь.

Хлопнула дверью, вызвала лифт. Пока ждала, встретила соседку, мать бывшей одноклассницы.

– Ой, Любочка, у нас такие новости! Наша Катя двойню родила. Завтра выписывают, поедем встречать.

Люба криво улыбалась, кивала, а сама думала: скорее бы лифт пришёл, а то сейчас начнёт спрашивать, когда же я-то...

– Когда же ты-то...

Но тут раздалось шипение и лязганье двери, Люба с облегчением помахала соседке рукой и шагнула вперёд.

В тесной кабинке стояла старушка с дворняжкой на поводке. Люба поморщилась:

– Развели собак... В лифте вонища, дышать нечем!

Старушка вжалась в угол и отвернулась. Люба вышла из подъезда. Пнула пивную бутылку, сиротливо стоявшую на крыльце. Та подскочила, звонко ударила об острый край ступеньки, бурые осколки разлетелись по асфальту и улеглись в ряд, как засохшие капли крови. Настроение стало чуть лучше.

И пока Люба шла к метро, она совсем успокоилась. С Федей всё наладится, не зря же столько сил на него потратила. А отец – да бог с ним, мириться с отцом Люба не собиралась. Вот ещё, на юбилей к нему ехать. На его новую жену смотреть. Нет уж, спасибо.

На работе Люба следила за собой, всегда держалась пристойно: не повышала голос, не показывала раздражение, даже когда ей давали поводы. Хотя это было нелегко. Сегодня, например, Леночка Петрова, сидевшая за соседним столом, пришла с обручальным кольцом и гордо размахивала рукой у Любы перед носом:

– Смотрите, Любовь Андреевна, какой сюрприз Кирилл мне устроил!

Люба притворно ахала и делала вид, что восхищается и кольцом, и Кириллом, а на самом деле ей хотелось подскочить к Леночкиному столу, сбросить на пол неряшливые стопки документов, а что не упадёт, изорвать в мелкие клочья. Она даже вцепилась пальцами в сиденье своего стула, чтобы сдержаться. Леночка ещё немного пощебетала, а потом упорхнула в другую комнату, перед остальными похвастаться. «Давай-давай, и не возвращайся подольше», – подумала Люба.

Дверь скрипнула, листки бумаги слегка приподнялись и сразу опали от недолгого сквозняка. Люба подняла голову и увидела Олега.

– Может, в кафе после работы зайдём? Поговорим. А то тут неудобно.

– Да, можно, – вежливо кивнула Люба, стараясь выглядеть приветливо. – Только давай не сегодня, у меня планы на вечер.

Когда Олег отвернулся, она передёрнула плечами, мотнула головой, словно отгоняя невидимую муху. Когда же он отстанет? Думает, если мы на дачу съездили вместе пару раз, то между нами что-то есть. Говори ему, не говори – не понимает, что всё без толку.

Олег вышел, и Люба принялась за работу. Посмотрела почту, ответила на срочные вопросы. Нашла файл с расчётами, проверила вчерашние цифры. Зашла в «Фейсбук». В мессенджере висело новое сообщение. Люба торопливо открыла: от мамы!

«Буся, как ты там? У меня всё хорошо. Даже не знаю, что тебе рассказать... Ты не волнуйся, я тут отлично провожу время».

Зелёный кружок – «в сети» – рядом с маминым лицом. Где-то далеко, в Эстонии, она сейчас сидит за ноутбуком. С чашкой кофе. Наверное, на берегу моря. Дует ветер, мелкие белые песчинки застревают в волосах, сыплются в чашку, как крупинки соли, похрустывают на зубах.

Люба написала: «Какие планы? Когда домой?»

Мама ответила сразу: «Без понятия. Пока не собираюсь». Потом вставила сердечко, рожицу с улыбкой, ладошку, и зелёный кружок исчез. Пропала. Отключилась. Люба встала, подошла к окну. Высокие тополя покачивали нарядными ветками со свежей листвой, заслонили проспект, создавали иллюзию покоя и уединения.

Как же это глупо! Родители уже два года как развелись, у каждого своя жизнь, а Люба никак не успокоится, пытается доказать отцу, что это он всё испортил. Если бы он не ушёл, они бы так и жили втроём: мама – главная, вокруг неё вращается их маленький мир. Мама всё знает, всегда права: и в семейной жизни лучше всех разбирается, и про Любу давно всё поняла.

Это ведь ради мамы Люба тогда затасила Федю в постель: не зря же мама столько лет называла его женихом. Пусть и в шутку. Какая разница. Главное, что Люба ей верила.

Позапрошлым летом Федя приехал в командировку из Вологды, где работал после Политеха. Конечно, он сразу позвонил Любе – лучшей подруге, «своему парню». И конечно, Люба пригласила его зайти. Федя думал, что она по-прежнему живёт с родителями, и всё будет как раньше: семейный обед, разговоры, шутки. Когда Люба поставила на стол две чашки, он спросил:

– А родители где? В отпуск уехали?

Люба не хотела об этом говорить, сменила тему, а Федя не настаивал. Заваривать чай Люба умела с детства: папа научил. Вот и сейчас она знала: Федя будет пить чашку за чашкой. Сидела напротив, задумчиво ковыряла вилок ореховый торт, наблюдала. После чая Федя порывался уйти, но она не отпустила. Напомнила, как они готовились к зачёту в последнюю сессию – она тогда перепутала даты и учила экономику энергетики, а Федька позвонил накануне зачёта и попросил объяснить схему газовой турбины. Люба заявила, что турбины они сдают на следующей неделе, и Федя перепугался: за одну ночь ему весь конспект не прочитать, только Люба на такое способна. К счастью, это не он тогда ошибся, а Люба.

Потом стали однокурсников вспоминать. Федя оттаял, смеялся, перебивал. Выпили, конечно. Так он и остался у Любы в тот вечер. А на следующий день и чемодан свой привёз из гостиницы. Она думала – навсегда.

Целый месяц они жили как муж с женой – как Люба себе это представляла. Вместе завтракали, вместе шли пешком до метро, там через две остановки Люба выходила, а Федя ехал дальше. Вечером она возвращалась первой, по пути забегала в магазин у дома, готовила еду. Подолгу ужинали, разговаривали, пили чай – совсем как раньше, в студенческие годы. Смотрели кино, иногда ходили гулять, а иногда просто сидели в интернете, перебрасываясь ссылками.

Как-то раз в выходные поехали в Луна-парк. Федя стрелял по мишеням, выиграл главный приз – огромного плюшевого медведя. Люба смеялась: куда мы его денем, он в дверь не пролезет! Ничего, пролез. Поселился у неё дома. Потом, когда командировка закончилась, Федя уехал в Вологду, а медведь остался. В спальне Люба нашла Федин галстук. Повязала его медведю и стала ждать.

Почему-то ей казалось, что Федя вот-вот вернётся и сделает ей предложение. Ведь ему было так хорошо здесь! Ну какой нормальный мужик добровольно от такого откажется? Люба каждый день писала ему, спрашивала, когда он снова приедет. Сначала он отвечал на все её сообщения. Потом стал пропускать некоторые. А когда Люба намекнула, что она не прочь поговорить о свадьбе, Федя замолчал.

Люба быстро сообразила, что с ним так нельзя. С тех пор она действовала мягче, нежнее. Больше не надоедала Феде, лишь изредка спрашивала, как дела. А чтобы не злиться и не носить всё в себе, она применяла способ, который советовали на одном сайте: писала настоящие письма, на бумаге, чернильной ручкой, своим красивым ровным почерком. И складывала аккуратные прямоугольнички в стол.

Помогло. Федя охотно останавливался у Любы, когда приезжал в командировки. Правда, ненадолго, всего на несколько дней. За это время не удавалось выбрать подходящий момент и заговорить о свадьбе. Поэтому Люба решила на крайние меры: заказать приворот. Нашла в интернете объявление, списалась, договорилась. Назначили встречу сегодня, в шесть.

В конце рабочего дня проверила по карте, как лучше добираться. На метро неудобно, только через центр города можно доехать, слишком большой крюк. Проще всего на такси, пробок в ту сторону не будет. Люба поправила причёску, подкрасила губы, придирчиво осмотрела себя в зеркале: что про неё подумает эта загадочная Евпраксия? Согласится ли приворожить Федю?

Вышла на улицу, вызвала такси. Нервно шагала туда-сюда. Водитель опаздывал, Люба злилась. С парковки отъехала машина, остановилась перед Любой. Олег наклонился, приоткрыл дверцу:

– Садись, подвезу.

Люба посмотрела на дорогу: никого. Молча села рядом с Олегом.

– Торопись?

– Да. Через полчаса надо быть в Старой Деревне. Успеем?

– Легко!

Рассказывать, куда она едет, Люба не собиралась. Даже если бы Олег спросил, она бы не призналась. Когда доехали до нужного дома, Олег сказал, что может подождать, но Люба поспешно сказала:

– Нет! Ты и так уже время потратил, уезжай. – И захлопнула дверцу.

Евпраксия жила на пятом этаже, и Люба, стараясь не запыхаться, ритмично шагала вверх. Ей хотелось собраться с мыслями, подготовиться к разговору. Перед дверью остановилась, сделала несколько глубоких вдохов. Под кнопкой звонка белела бумажка со списком жильцов, прилепленная скотчем. Люба нажала два раза.

Загremели замки, звякнула цепочка, показалось сморщенное лицо.

– К кому?

– К Евпраксии.

Старуха сняла цепочку,пустила Любу:

– Идите за мной.

Провела её по сумрачному коридору и показала:

– Сюда.

Люба негромко постучала в дверь и вошла, не дождавшись ответа. Верхний свет не горел, в центре просторной комнаты стоял круглый стол с чёрной скатертью, на нём сверкала разноцветными искрами настольная лампа в виде стеклянного шара. Окно закрывали плотные вишнёвые шторы. Вдоль стен темнели шкафы, но рассматривать их Люба постеснялась. Из-за резной ширмы раздался низкий голос:

– Садись.

Люба послушно уселась за стол, поставила сумочку на колени и начала теребить тонкий ремешок: это её успокаивало.

Из глубины комнаты выплыла колдунья: грузная высокая женщина в свободном чёрном платье. На шее у неё висели костяные фигурки на кожаных шнурках разной длины, в полумраке все они казались серыми, но Люба заметила, как изящно они сделаны. Седые волосы были собраны в пышную причёску. «Как на старинных фотографиях», – подумала Люба, она такие видела в бабушкином альбоме.

Евпраксия села напротив Любы, положила на стол пухлые руки. Люба заметила массивные перстни на каждом пальце и смутилась: её тонкое серебряное колечко выглядело рядом с ними, как хилая незабудка в цветочном магазине.

– Рассказывай, – велела колдунья.

Люба посмотрела ей в глаза, пытаясь увидеть подсказку, угадать, чего от неё ждут. Но Евпраксия не хотела облегчать задачу, сидела спокойно и даже равнодушно. Пришлось действовать наугад. Люба начала издаека: со студенческих лет, когда она жила с родителями, училась в одной группе с Федей, и он всегда приходил к ней готовиться к зачётам и экзаменам.

– Спали? – перебила Евпраксия.

– Нет... тогда ещё нет!

– Ладно. Продолжай.

Люба рассказала, как мама шутила про «жениха», как Федя смеялся, а папа хмурился. Как после учёбы всё рухнуло: Федя уехал в Вологду, родители развелись, отец перебрался в Москву к новой жене, мама нашла кого-то в Эстонии и живёт там по полгода.

– А сама чем занималась? Как жила?

– Я? – Люба сглотнула. – Ну... работала. Скучала.

– По кому?

– По маме, наверное. А может, по тем временам.

– А от меня-то чего хочешь?

Люба растерялась.

– Я же вам писала: мне замуж надо, за Федю.

– Зачем? Любишь его?

– Конечно, люблю, – слишком поспешно выпалила Люба. – Иначе зачем бы я к вам пришла?

Евпраксия пожала плечами и переспросила:

– Значит, замуж? Уверена?

– Да.

– Ладно, будем работать. Доставай.

– Что доставать? – не поняла Люба.

Колдунья посмотрела на неё как на дуру.

– Волосы, ногти. Что принесла, то и доставай.

Люба растерялась:

– Федины?

– Ну не твои же.

– А у меня нет.

Евпраксия вытащила из кармана колоду и начала перетасовывать.

– Ничего, в следующий раз принесёшь. А пока посмотрим, что карты скажут.

Люба послушно кивнула. Толстые пальцы колдунии проворно летали над столом, перекадывали карты с места на место, ловко переворачивали, масти мелькали, сменяя друг друга, и всё это казалось непонятным фокусом, в конце которого артист улыбнётся и начнёт раскладывать, а единственный зритель зааплодирует.

Но Евпраксия не улыбнулась. Она раздвинула руки, осмотрела усыпанный картами стол, как полководец поле боя, и кашлянула.

– Что там? – тихо спросила Люба.

– Пока ничего хорошего. Но шансы есть. Ты не переживай, мы его заставим на тебе жениться. Не он первый, не он последний. Знаешь, сколько у меня таких было!

Открыв сумочку, Люба достала несколько купюр, положила на потёртую плюшевую ска-терть и выскочила в коридор. Из-за полуоткрытых дверей огромной коммуналки высовыва-лись древние старухи, качали головами, шевелили белыми губами, а Люба всё шла и шла. Её манил свет тусклой лампочки в дальнем конце коридора, там должен быть выход. Гулкое эхо её шагов било в развешанные по стенам металлические тазы, как в барабаны, и Люба невольно выпрямила спину: нет, она больше не будет так унижаться, с неё хватит!

Автобус тащился по пустынным улицам, Люба ехала на перекладных: ей не хотелось спускаться в шумное и многолюдное метро, где нужно держать лицо и выглядеть прилично. А тут можно встать у задней двери, отвернуться к стеклу и никого не видеть. Долгий весенний день никак не кончался, солнце лениво катилось к закату, но слишком медленно.

Пока Люба шла от остановки к дому, смотрела на окна: кое-где уже зажётся свет, но в её квартире было темно. В прихожей она сбросила туфли, крикнула:

– Федя, ты дома?

И сама себе ответила: «Конечно, дома. Где же ещё». Он, как всегда, сидел за кухонным столом – тихий, молчаливый.

Люба налила воды, большими глотками выпила полстакана и села напротив Феде.

– Знаешь, где я сегодня была? – и не дожидаясь ответа, начала рассказывать.

Про скучного Олега с его дачей, про колдунью Евпраксию, про свою давнюю мечту выйти замуж за Федю, про развод родителей, про тёмные окна квартиры.

– Я тебе не говорила, но я же тебе письма писала! Два года, каждый день. Сейчас покажу! – Люба выбежала из кухни, вернулась с пачкой бумажных прямоугольников, бросила их на стол.

– Вот, смотри! Это о тебе, о моих чувствах! – Она схватила первый попавшийся, развернула, начала читать вслух.

– А вот это послушай! А это! – Люба вытаскивала из вороха писем листок за листком, перемешивала их на столе, раскладывала рядами, как будто гадала на картах – так же, как колдунья Евпраксия, – чтобы увидеть главное.

От резкого взмаха руки опрокинулся стакан. Вода растекалась по исписанным страни-цам, и ровные чернильные строчки таяли, как будто стирая прошлое, уничтожая Любину неудачную любовь, смывая следы её унижения.

– Молчишь? Да сколько можно! Ну скажи хоть что-нибудь!

Люба схватила Федю за плечи и встряхнула. Ничего не изменилось.

Она отошла к окну. Солнце наконец доползло до горизонта, и в жидком сиянии фона-рей мельтешили чёрные фигурки: люди спешили домой после рабочего дня, к своим семьям, в уютные гнёздышки за освещёнными окнами. Из-за угла выполз длинный автобус, открыл двери, и на тротуар высыпалась новая порция счастливых обывателей, которых ждут дома. Некоторые шли по двое, по трое. Люба поморщилась: в груди заныло, и эта боль была хуже, намного хуже и противнее, чем зубная.

Люба замычала, не открывая рта, помотала головой, но боль не отступала. Тогда Люба взяла со стола нож, подбежала к Феде и с размаху ударила его в живот. И ещё, и ещё. Она была снова и снова, пока не обессилела и не выронила нож на пол. А потом опустилась на корточки, оперлась спиной о стену и завывала, поднимая лицо к потолку.

Порыв ветра распахнул форточку, смахнул со стола письма и завертел в воздухе кусочки поролона и ваты. Изрезанный в клочья плюшевый медведь сполз со стула на пол и застыл, уставив тусклые пуговицы глаз на Любу.

С ветки фикуса на подоконник упал пустой кокон. Маленькая белая бабочка неуверенно взмахнула крыльями, проползла по стволу вверх, оторвалась от опоры и улетела прочь.

Люба встала, вытерла глаза бумажным полотенцем, высморкалась. Сгребла мусор с пола: размокшие письма, останки игрушечного медведя из Луна-парка – Федин подарок. Взяла телефон и позвонила отцу.

– Папа, я приеду.

Юлия Комарова. Петрикор

1

– Пап, у меня дежурство сегодня, много операций. Но я с твоим лечащим созвонился, прогноз хороший.

– Вот и не приходи сегодня, тебе самому надо отдохнуть, ты и так каждый день меня навещаешь. Я сам погуляю... Пока могу сам.

Серое больничное небо можно сравнить разве что с небом на кладбище, во всяком случае, оно точно не предвещает начало хорошего дня. Завтра операция. Заменят сустав – стану железным человеком, буду бегать, как новенький. А сегодня можно ещё пройтись по институтскому парку медленными ногами, пошуршать опадающей листвой, как в детстве.

Хотя в детстве было совсем по-другому. Даже холодный затяжной дождь приносил радость – лужи, резиновые сапоги, смешной серый дождевик. Тогда казалось, что надеваешь плащ-невидимку: сливаешься с общим пейзажем. Серое небо, серый дождь, серые стволы деревьев, серый незаметный ты. Только листья под ногами ещё не утратили своей боевой пушкинской раскраски – очей очарованье! И шуршишь по этому красочному ковру серенькой мышью: шур-шур-шур, красота!

А сегодняшние дети – бегут по аллее с огромными разноцветными ранцами, в ярких курточках. Смеются, загибают листву и посыпают друг друга. Я тоже хочу! Медленно наклоняюсь, поднимаю с лавочки тонкий листок – зеленоватый в серединке, жёлтый с оранжевым по краям. Умеет природа нарисовать узор на прощанье. Зачем это ей? Чтобы ещё грустнее было расставаться? Чтобы захлестнуло уныние, затянуло в водоворот городских тёмно-коричневых грязных стоков?

***

Жена от меня ушла в такой же тусклый осенний день. Не к другому. В монастырь. Это случилось не вдруг: тянулось с рождения сына. Сначала у неё случилась депрессия, потом она начала ходить в храм, ей стало легче, и я обрадовался. Зря. Она стала отдаляться, ушла в веру или в себя – не знаю, но однажды ночью я попытался её обнять, а она как всегда в последнее время резко отстранилась, но не стала говорить про грех, а призналась, что уходит в монастырь.

Мы почему-то задержались в тот год на даче, всё никак не могли решиться, собирались переезжать на следующих выходных. А пока ездили на работу на электричке. Дольше, конечно, но зато золотая осень была в самом разгаре, и можно было любоваться пёстрой красотой каждый день. Я чувствовал, что переезд всё изменит. И вот тем утром мы стояли на платформе, усыпанной листвой, она повернулась к куполу деревенской церквушки и начала креститься и класть земные поклоны. Сыну было три года. Он испугался и попросился на руки. Я взял его. Хотелось уткнуться в его мягкую макушку и плакать. Но как я мог? Мужчины не плачут. И я боялся его напугать ещё больше.

Мы сели в электричку на холодную деревянную скамью – рядом, а поехали будто в разные стороны. Сквозь дождь. Жена всю дорогу молча смотрела в окно, залитое водой. Сын заснул у меня на руках. В городе я так и понёс его в садик. А потом долго стоял у окна в группе, держал его и не решался ни разбудить, ни расцепить его руки, обнимающие меня за шею. Я безнадежно опаздывал и понимал, что всё равно не смогу быть всё время рядом, но мне хотелось,

чтобы в то утро он почувствовал, запомнил, что я его никогда не брошу, не оставлю. Подошла воспитательница, позвала сына, поманила игрушкой, и он потянулся к ней. Я вышел на улицу. Дождя уже не было, но сам воздух вокруг был пропитан влагой, она сочилась отовсюду, чавкала под ногами, стекала у меня по лицу. Я шёл на работу в порт и мучительно вспоминал, как же называется такой вот запах влажной земли. Похоже на Питер... Петрикор.

***

Я открыл глаза – на груди присоски, нога вывернута, лежит в каком-то длинном странном лотке. Я начал снимать серые дурацкие присоски, отлеплять с мягким чпоком. Это казалось очень важно. На ногу не смотрел. Зачем мне на неё смотреть? Она выглядела и ощущалась чужой. Меня переложили на каталку и повезли в палату. Медики что-то шутили по дороге, смеялись. Я не понимаю медицинского юмора. Это совсем не смешно. Я даже некоторые слова не мог различить. Может, так отупляюще действует наркоз? Переложили на кровать. И тут всё поплыло, унеслось куда-то: стены, медсестры, потолок... Я ещё видел, как врач подбежал и велел поднимать ноги повыше, и ту, что не моя, тоже. А потом стало тесно в груди, захотелось вдохнуть глубоко-глубоко, но воздуха в палате так мало. Надо выйти во двор, а потом в парк, к воде. Выйти и смотреть в серое безликое небо Питера и прислушиваться к мягкому шуршанию листвы.

2

Реально стрёмно звучит, но единственной женщиной в моей жизни – в нашей с папой жизни – была бабушка, папина мама. Как-то раз, мне было лет пять-шесть, она сказала папе:

– То, что она ушла в монастырь, не значит, что ты должен устраивать себе монашескую жизнь и соблюдать обет безбрачия. Да и ребёнку мама нужна!

А я спросил:

– Зачем?

– Мама будет любить тебя, ухаживать...

– А ты уже не любишь меня?

И бабушка обняла меня, прижала к себе и сказала, что будет любить меня всю жизнь. И любила. Когда она ушла в тот вечер, папа укладывал меня спать, и я спросил:

– Разве может быть у человека ещё одна мама?

И папа сказал:

– Нет, конечно. Мама – это та, кто тебя родила.

– А какая она?

– Она тебя очень любит.

– А тебя?

***

Сегодня штормовое предупреждение. Ветер рыщет по набережной, как старый, выброшенный на улицу пёс – роется в мусорных баках, разгоняет жирных, отупевших за лето чаек и голубей, треплет потемневшую от осени волну и бросает её с размаху о паранет. Прохожие закрываются от него капюшонами, застёгивают наглухо куртки, прячутся в кафе. А я люблю шторм. С детства. Это точно от отца. Он капитан дальнего плавания – был, водил большегрузы в иностранные порты, рассказывал, как важно взять хорошего лоцмана, когда заходишь в незнакомое место.

Я любил встречать его из плавания – стоять в толпе на берегу, наблюдать, как серая точка постепенно превращается в мощное судно. И запах корабля – поднимаешься по трапу, и всегда неожиданно он бьёт в нос. А потом оказывается, что это папин запах, если уткнуться носом, зарыться в него. Капитанам везёт: они на суше могут оставаться столько же, сколько пробыли в море. А отец был на берегу по полгода, не меньше. И вот уж тогда мы отрывались! Я переезжал от бабушки-дедушки в нашу квартиру, и мы сами вели хозяйство, варили себе еду, играли на компе. Отец купил – громоздкий серый ящик. Ни у кого из пацанов не было, а у меня был. Отца ругали: от компа зависимость развивается. А он никого не слушал, отдал меня на компьютерные курсы, говорил: «Хорошее дело, учись!» А потом я увлёкся химией, выиграл олимпиаду и решил идти в мед. И он опять поддержал, помог. Если бы не он, я бы ни за что не стал эндоваскулярным хирургом. А так соединились оба мои увлечения: компьютер и медицина. Отец и ординатуру мне оплатил. И вообще.

Он любит... любил море и ветер. Мне в детстве казалось, что он умеет управлять стихией. Все эти тучи мчатся по небу не просто так, не сами по себе. Рвутся в клочья волны, а пена превращается в облака. Чья-то мощная рука закручивает всё это в один водоворот.

Это отец научил меня кататься на сёрфе, чувствовать волну, использовать ветер. Всегда радовался осени: «Ну наконец-то летнее время штиля уходит!» Мы с ним и в чемпионатах участвовали. Местных, конечно.

Ощущение жизни в такие буйные дни пронизывает насквозь – самой тонкой иглой удовольствия. Той, что на грани страдания и боли, но ещё нет, ещё не совсем. Я стою на самом мысу, специально подставляю лицо ветру и солёным брызгам и хочу оказаться вдали от суши, посреди грозового моря, на самом гребне волны. Как он говорил? «Хорошо уходит осенью в море».

Я только что узнал – позвонили: сегодня в больнице папа умер. Операция прошла успешно, а он умер. Сердце не справилось. А ведь я мог бы его спасти, будь я рядом.

3

Я и не знала. С тех пор, как меня постригли в схиму, ни с кем не разговариваю. Кажется, уже и не смогу заговорить. Забыла, как это делается. Целый год я молилась о его здравии. И каждый раз чувствовала какое-то беспокойство. И вот сегодня ночью он мне приснился – радостный и спокойный, в своей любимой ветровке и джинсах, и сказал:

– Не надо о здравии, молись об упокоении. Я умер год назад.

И улыбнулся. Хорошая у него улыбка. Я всегда любила его улыбку. В ту последнюю нашу осень, когда я ушла, он почти перестал улыбаться, потух. А я не могла объяснить ему, не находила слов, кроме «ты ни в чем не виноват».

Он и правда не виноват. Когда у меня чуть не случился выкидыш, и я лежала на сохранении, в больницу пришёл священник – разговаривал с нами. В основном с теми девочками, что пришли на аборт. И я как-то изнутри, глубоко-глубоко поняла, что для ребёнка практически нет разницы – аборт или выкидыш. Всё равно смерть. Эта мысль меня буквально парализовала. Я больше не могла ни о чем думать.

Священник подарил нам всем маленькие молитвословы. Я лежала, читала и всё не могла придумать: что же делать? Как сохранить жизнь моему малышу? И тут меня как толкнуло: надо дать обет! Какой? Какой же? И я пообещала Богу, что уйду в монастырь, если ребёнок выживет.

Потом были тяжёлые роды, мы долго лежали в больнице, всё было очень сложно, но сын остался жив. Целых три года я тянула... В августе прямо в день рождения он заболел – жар, судороги. Я поняла, что теперь я его точно потеряю. И повторила обет. Я так плакала тогда, так сильно просила не забирать сына, не наказывать его из-за меня. И он снова остался жить, выздоровел.

И я ушла. Молюсь за них – единственное, что я могу сделать.

Встала к иконам. Колени последнее время болят – опухают... Столько лет я на них стою. Целую жизнь.

Дождь стучал по крыше, и под его ритм так хорошо было плакать. Почему люди плачут о покойном? Я плакала от радости. И чем дальше молилась, тем легче становилось на душе. Под конец как-то совсем хорошо.

В окно постучались последние запоздавшие капли, и я открыла. Келью сразу наполнил ясный и холодный осенний воздух – запах прелой листвы и мокрой земли после дождя... Земля еси, и в землю отыдеши.

Таня Манов. Одиначества нет

– Это что такое? Ты мне нос-то не вороти! Молчишь? Так я скажу! Дырка это! Дырка!

Белобрысая девчонка лет восьми смотрит, жмурясь от страха и втягивая голову в плечи, как обкусанный ноготь тычет в прореху на штопаных-перештопанных коричневых колготах. Бледные губы на выцветшем лице женщины зло подёргиваются, и разлетаются брызги слюны.

– Что встала! Иголку в руки и зашивать! Сама продрала, сама и исправляй, а я не нанималась!

Мелкий ноябрьский дождь сеет за окном, но в доме тепло, и тихонько зудит лампа у просиженного зелёного дивана. Поблёскивает иголка, но получается ужасно: там стежок слишком велик, тут пропущена нитка, грубая штопка морщит. Женщина, подойдя, вглядывается и наотмашь бьёт девочку по щеке.

– Специально портишь, думаешь, мать исправит? Быстро распустила и сделала нормально!

И снова в комнате покой и мягкий шорох дождя за окном. Лара на кухне лязгает посудой и зло бурчит по нос. Нитти только так и зовёт её про себя: Лара. Потому что настоящая Мама у Нитти внутри, приходит беззвучными, как лёт снежинок, шагами, кладёт прохладную руку на горящую щеку, прижимает дочкину голову к груди, покрытой пуховым бабушкиным платком. От Мама пахнет корицей и немножко жареной курицей, Мама шепчет: «Прости, доченька», хотя ни в чем не виновата. Целует мокрые глаза, вытирает слёзы, вздыхает, уходит вглубь. В круг света вступает Хозяюшка. Улыбается ободряюще, ловко и быстро штопает Ниттиными руками. Пальцы на ногах совсем согрелись, подступает дремота. Сквозь зевок налетает воспоминание: сумерки, улица, школа за углом. Трое одноклассников окружили, пинают ногами в портфель, орут: «Придурашная!» Дальше будет толчок в спину, скольжение на полурастаявшем льду и горький холод в ободранных ладонях и коленках... Нет! Нитти зажмуривается. Пускай всё было не так! Вот пришли её Братья-близнецы. Раз! – и обидчики летят на землю, в чавкающее крошево грязи и талого снега. Два! – взблёскивают мечи, как лучи солнца.

– Убить или пощадить? – спрашивают Братья, и Нитти нарочно молчит, в упор глядит в испуганные, молящие глаза обидчиков. Секунды падают, важные, как капли жидкого серебра.

– Пощадить. Пускай убираются.

Братья с лязгом вкладывают мечи в ножны, а одноклассники, подвывая, копошатся в слякоти, режут руки осколками льда. Хозяюшка деликатно покашливает, и Нитти открывает глаза, чтобы закончить работу.

Лара гремит кастрюлями, сперва зло, потом тише, мягче. Выходит, проверяет штопку и неловко треплет дочку по плечу. Стыдно за пощёчину. Но девочке нельзя расти лентяйкой и дармоедкой. Жизнь лёгкой не бывает, пускай привыкает.

– Ну вот, умеешь, когда захочешь. Давай-ка мой руки и на кухню, у нас сегодня по котлетке.

Хозяюшка, вернув швейную шкатулку в шкаф, убегает. У неё много дел: собрать обиды, чернильными репейниками затаившиеся по углам, и выбросить из Ниттиной души вон. Помочь молчаливому Защитнику залатать дыры, проделанные ночными кошмарами в стенах Ниттиногo облачного замка, напечь пирогов Братьям, принцам-разбойникам. Хозяюшка всё может. Только обнимать не умеет и всегда молчит.

На обед у Лары пюре и котлета. Нитти отделяет мелкие кусочки мяса и смешивает с картошкой – так надольше вкуса хватит. За окном уже темно, в раковине громоздится посуда, но мыть её будет приятно, потому что Лара у телевизора будет шить юбку, заказанную соседкой, а к Нитти придёт Учитель и расскажет историю. Тихий голос в голове. Учитель говорит: «Умница моя, молодец».

Ниттина тайная семья всегда на её стороне. Достаточно остаться одной, чтобы не быть одинокой.

Братья-близнецы, поделившие с Нитти тысячи приключений, ушли, когда девочка выросла. Потянулись за северными туманами к дальним морям. Зато Хозяюшка вошла в полную силу, освоила готовку и каждую неделю пекла печенье: рисовое или хрупкие коричневые звездочки, или ореховые ёжики. После девятого класса Нитти пошла в техникум на швею, много шила на заказ, потому что Лара всё чаще бывала пьяна. Под мухой женщина злилась и кричала, но Дядя, появившийся у Нитти не так давно, знал, как окоротить пьяницу.

– Тварь! – бормочет Лара. – Растила тебя, горбатилась над шитьём, чужие толчки за гроши драила, а ты и мамой не назовёшь. Что смотришь? Осуждаешь? На себя посмотри, психованная! Голоса у ей в голове, видали? Тьфу!

Проступают красные пятна на мятых щеках, крик взлетает к потолку. Но Нитти знает – это ненадолго. Пять минут – и Лара снова бубнит, поглядывая с опасливым вызовом.

– Жалко рюмашки для матери? Отдай бутылку, дрянь! Нет? А ну, пусти! К соседке пойду, расскажу, как родная дочь обижает!

Закрепив нитку, Хозяюшка взглядывает на Дядю, стоящего со сложенными руками у двери. Дядя кивает, и Нитти встаёт, сама наливает пьянице стакан красного, выжидает. Накрывает стареньким пледом храпящую Лару. В наступившей тишине Дядя исчезает, крепко хлопнув племяшку по плечу. Хозяюшка достаёт муку и сахар, а к Нитти приходит Учитель. Устраивается на подоконнике, мягко улыбается, хвалит Хозяюшку и заводит рассказ: о фараонах и острове Пасха, о строении человеческого мозга, и почему самолёт летает. О готике и романтизме.

Настоящая Мама приходит всё реже, теперь она сидит в уютном кресле в западной комнате, окнами в розовый сад, склонив туманное лицо над вязанием. Ложась вечером в постель, Нитти закрывает глаза и прибегает к Маме, опускается на прогретый вечерним солнцем деревянный пол, кладёт голову на мягкие колени. Потом засыпает.

– Странная ты. – Натали, постоянная заказчица, платит хорошо, но уж очень любит за свои денежки душу помотать. – На улице тебя видела: идёшь смеёшься, а с кем – чёрт знает. Может, думаю, мозгами съехала? Жить с матерью пьяницей несладко, небось. И всё-то ты одна. Хоть бы дружка завела. А то, хочешь, с солидным человеком познакомлю? Ему много не надо: раз в неделю примешь, вот и денежки заведутся. Ты, конечно, не ахти какая красавица, да это дело десятое. Зато молоденькая. Согласна?

Нитти, сматывая измерительную ленту, краснеет и низко склоняется над рабочей шкапушкой.

– Каков афронт! – Благодородный Дон, отбросив взвизгнувшую гитару, вскакивает и выхватывает шпагу. – О благодородная госпожа, дозволю наказать подлую простолюдинку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.